

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:80

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФИЛОЛОГИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СОЮЗА ИЛИ НАМЕЧАЮЩИЙСЯ РАЗВОД?¹

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью филологических знаний и литературной культуры в современной вузовской подготовке журналистов. В частности, аргументируется суждение о том, что адресованные бакалаврам журналистики собственно филологические дисциплины успешно выполняют свою дидактическую задачу, имея по преимуществу практическую ориентацию.

Ключевые слова: филологические знания, журналистское образование, литературная культура, генеалогия современных СМИ, профессиональная этика журналиста.

Journalist Education and Philology: Continued Alliance or Contemplated Divorce?

V. V. Prozorov

The article deals with the questions related to the role of philological knowledge and literary culture in modern higher education of journalists. In particular, the assertion that the philological subjects proper addressed to the Bachelors of Journalism successfully accomplish their didactic task, being on a large scale practically oriented, is strongly reinforced.

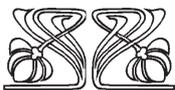
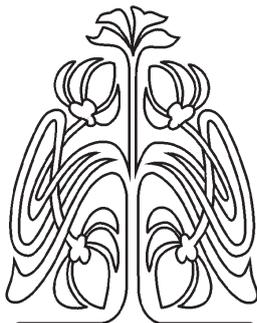
Key words: philological knowledge, journalist education, literary culture, genealogy of the modern mass media, journalist's professional ethics.

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, предопределен всей историей журналистского образования в России, которое, как известно, в советские годы зарождалось и долгое время существовало почти исключительно в недрах университетских филологических факультетов.

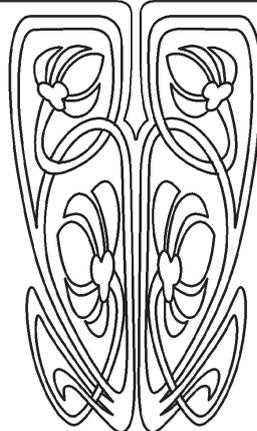
В советскую эпоху среди других общественно-гуманитарных наук у филологии (даже в самые мрачные исторические периоды, наименее благоприятные для серьезных исследовательских рефлексий) был особый неписанный статус несколько вольнолюбивой и чуть-чуть особняком стоявшей от оголтелого официоза отрасли с соприродными ей и постоянно вызывавшими небезосновательное подозрение у властей многозначностями, недосказанностями, неопределённостями, аллюзиями, интерпретациями, подтекстами, контекстами, эзоповой речью, ироническими словоупотреблениями, анафорическими связями в тексте и т. п.

Журналистика с точки зрения господствовавшей идеологии, во-первых, призвана была последовательно выполнять властью предуказанные пропагандистско-агитационные функции и, во-вторых (особенно в «оттепельные» и «застойные» годы), демонстративно брать на себя миссионерскую заботу и защищать рядовых граждан от «отдельных проявлений» очевидного чиновно-бюрократического вероломства и хамства. Вспомним известные типовые печатные рубрики «Газета выступила. Что сделано?», изо всех сил (подчас и не без реального успеха) поддерживавшие патерналистский образ советской прессы.

Филология и журналистика (наряду с некоторыми видами деятельности и родами искусств) словно бы призваны были в существенных своих ипостасях обнаруживать так недостававший «развитому»

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

марксистско-ленинскому строю гуманистический декор.

Распространённым было и вполне справедливое, идеологически не обременённое убеждение, что журналист без основательной и разносторонней филологической подготовки, без профессиональной филологической грамоты (общий кругозор, начитанность, литературная культура, устные и письменные языковые компетенции и т. д.) явно неполон, подчас элементарно несостоятелен и даже смешон...

Шли годы, менялся мир и вокруг нас, и в нас самих. Многократно провозглашался закат эпохи литературоцентризма и словоцентризма. Объявлялись и активно о себе заявили новые, сменяющие друг друга поколения активных «нечитателей». Наступило глобальное торжество клиповой поп-культуры. Пёстрый видеоряд в массовом «индивидуальном» сознании стал отчётливо теснить «литерные» тексты...

И многим стало казаться, что филология и журналистика, вопреки всем давним (исторически закреплённым) и прочным (природно-фундаментальным) родственным связям и отношениям, начинают все заметнее друг от друга отворачиваться и отдаляться.

Какова же на сегодня степень родства? Союз *И* в большей мере связывает или разделяет эти два понятия? Какова общая тенденция развития: в постепенном, мягком, мирном или скором, надменном, жестком разводе филологии и журналистики? Или, быть может, развода нет и он не предвидится? И всё здесь более или менее безмятежно и стабильно?! Хотя давно и хорошо известна сама тенденция институциональной автономизации журналистики или присоединения её к другим, нефилологическим образовательным направлениям.

Но речь даже не об организационно-структурном, суверенном существовании журфаков. Речь, прежде всего, о необходимом и достаточном удельном весе филологических штудий в подготовке будущих массмедийщиков. Заслуживает специального обсуждения и характер (методические принципы и приёмы) преподнесения собственно филологических знаний начинающим журналистам – вчерашним школьникам.

Помимо общей тенденции важно понять и куда более прикладные вопросы, связанные прежде всего с реальной практикой двухуровневого образования в России. Каковы роль и место филологических дисциплин (и каких именно?) в подготовке будущих журналистов в рамках бакалавриата и магистратуры? В какой дозировке и как дидактически целесообразнее погружать журналистов в филологические науки? И целесообразно ли вообще это старательное погружение в ныне существующих объемах?

Ведь прагматически настроенные работодатели-рыночники (есть много тому подтверждений) ума не приложат, зачем их завтрашним сотрудни-

кам нужны разные истории отечественных и зарубежных литератур, бесконечное чтение толстых книг классиков и тем более филологическая рефлексия по поводу этих книг, зачем нужны многие лингвистические курсы, прочно прописанные на филфаках, и т. п. Рассуждения работодателей строятся по нехитрому принципу: пригодится или не пригодится будущему репортеру такая масса филологических «десертов»? А если не пригодится, то зачем все эти гуманитарные излишества?

Да и сами студенты, подстрекаемые (особенно в процессе прохождения практик в редакциях СМИ) их опытными поводырями – старшими коллегами по ремеслу, подчас недоумевают: им бы самостоятельно писать, творить, пробовать, а им на журфаках велят усердно читать, перечитывать да ещё и интерпретировать уже кем-то сотворённое и кем-то когда-то признанное...

На многих сайтах в сетевом пространстве Рунета то и дело появляются простодушно-насмешливые или колко-агрессивные рассуждения о том, до коих же пор будущих журналистов на специальных факультетах будут старательно пичкать обильными филологическими изысками вместо того, чтобы сразу же посвящать юных журналистов в испытанные и полезные тайны ремесла.

Верно и то, что высшее журналистское образование в нашей стране сегодня на распутье. До сих пор успокоительно внятно не прояснена судьба базовых ценностей журналистского образования, отсутствует единодушие в понимании того, что есть надёжный фундамент журналистского образования. И один из самых дискуссионных вопросов как раз и касается взаимодействия филологии и журналистики, завтрашнего дня этого дисциплинарного тандема.

Дело, вероятно, в том, что расхожие представления о *профессионально должном* в масс-медийной области знаний и умений находятся в области заведомо размытой и невнятной, запутанной логики. Возможно ли в наше время законное (в пределах существующего правового поля) появление врачей, инженеров, юристов, педагогов, военных специалистов, учёных – математиков, физиков, химиков, биологов, геологов, географов и т. д., – не имеющих специального профессионального образования? Риторический вопрос. Журналистика – совсем другое дело.

На жёстком переломе 1980–1990-х гг. был вполне оправдан приход (призыв!) в медийную среду новых людей из разных профессиональных (часто достаточно экзотических) сфер. Не было тогда времени на спецподготовки. Лихорадочная реформаторская пора нетерпеливо диктовала иные законы: приветствовались в первую очередь юные и совсем молодые люди, наделённые талантом импровизации, полемической наступательности, повышенным градусом коммуникабельного обаяния, другими творческими способностями и харизматическими особенностями, а главное,

новым – свободным, дерзким, независимым – складом мышления.

Однако немногие из тех, кто тогда начинал, по прошествии времени остались в СМИ. Остались те, в ком отчётливо обнаружился журналистский дар, самоотверженность и долготерпение. И, как правило, это люди хорошо (в том числе и филологически – в традиционном смысле этого понятия – широко) образованные.

Объявились и прежде нам в нынешней огласке неведомые драматической силы проблемы СМИ:

– в первую очередь, наметился риск губительного размывания границ между собственно журналистикой и во многом противоположной ей областью деятельности – «связями с общественностью», или, привычным слогом изъясняясь, «пропагандой успехов»; вольная или невольная, но всегда откровенно беспечная и безоглядная путаница этих разного рода занятий стала делом почти что повседневным и для существования профессиональной журналистики очень опасной;

– явственно обнаружился и постоянно углубляется конфликт журналистики факта, стремящейся к ответственной и взвешенной объективности и ориентированной на западную демократическую ментальность, и более привычной для российского опыта журналистики демонстративно публицистического почерка, субъективного мнения, поспешного навязывания читателю – зрителю – слушателю – пользователю Интернета журналистской точки зрения на происходящее;

– отчётливым стало противоречие между журналистикой как гражданской, общественной, социально значимой службой и журналистикой как вполне откровенным (до предельного цинизма) и обыденным бизнесом.

В новых предлагаемых обстоятельствах многообразные филологические компетенции сегодняшним юным (и не очень уже юным) прагматикам подчас кажутся едва ли не архитектурными излишествами по сравнению с масштабом и значимостью забот и переживаний современных СМИ, печатных и электронных, государственных и общественных, столичных и региональных.

Иными словами, обозначается расхождение между привычной журналистской скорописью и основательной, восходящей к филологии, журналистской же культурой слова и слога. У проблемы, которую мы хотели бы всерьез и с разных сторон обсудить, вполне ощутимые и очевидные основания. И мне представляется возможным дать свои варианты ответов на некоторые из поставленных здесь вопросов, касающихся родства и размежевания филологических образовательных ценностей и современной журналистской педагогики.

При всем возможном многообразии моделей журналистского образования, при всём разноречии ответов на вопросы, связанные с его фундаментом, стоит оно на трёх китах.

Это, во-первых, **общекультурная оснастка будущего журналиста** – полномочного представителя культуры, где бы и кем бы он ни работал; во-вторых, **освоение** им многосложных современных, **постоянно обновляющихся и совершенствующихся технологий ремесла**;

в-третьих, **отчётливое осознание** студентом-журналистом жизненно необходимых **норм профессиональной этики**.

Причем все эти три кита равноправны и взаимосвязаны. Иначе – поразительная глухая односторонность и острая профессиональная недостаточность.

Каково же в этой триаде чувствовать себя филологическим знаниям? Принципиальный вопрос.

В каждой из трёх названных неперенных составляющих журналистского образования, филология чувствует себя **и не единственной хозяйкой, и не случайной гостьей, но верной (пусть кем-то и недолюбливаемой) подругой**.

Попробуем разобраться по порядку.

Наверное, никто из более или менее компетентных экспертов не станет спорить по поводу того, что роль филологии исключительно ответственна в общекультурной подготовке будущих журналистов.

Однако я думаю, что преподавать язык (языки) и литературу студентам-журналистам надо принципиально иначе, чем филологам. Почему? Откуда такая уверенность? И в чём разница и чем она обусловлена?

Между филологией (впрочем, как и социологией, историей, политологией, экономикой, юриспруденцией, другими гуманитарными видами занятий) и журналистикой действительно проходит отчётливая методико-дидактическая пограничная полоса.

Заметная разница в том, что каждая *другая* учебно-образовательная система преимущественно направлена на последовательное *аналитическое* освоение своего объекта. Филфак, например, – подготовка чутких, зорких, более или менее смиренных интерпретаторов чужого текста, это социально значимая *служба понимания чужого текста*.

Журналистское образование – не в последнюю очередь подготовка мастеров, участвующих в создании *собственных текстов*, подготовка авторов, как правило, с очень рано осознанными и реализуемыми творческими задатками и амбициями.

И в образовательном журналистском пространстве непременно должна преобладать не только интерпретационная, но и *созидательно-творческая*, или, как любят теперь говорить, *креативная* составляющая. Журналист сам себе хозяин-автор, *сам себе мастер*. Во всяком случае, он к этому себя готовит, если не собирается по окончании журфака изменить своей специальности. Крохотная информация-замечка, а своя!

Тридцатисекундный телерепортаж по заданию редакции (в соавторстве с оператором и монтажером) – свой! Не говоря уже о более заметных печатных, аудио- и видеотекстах.

Нужен ли с подобной точки зрения весь нынешний груз филологических знаний и умений студентам-журналистам? В этом отношении есть много содержательно интересных педагогических проб в нашем Институте филологии и журналистики Саратовского государственного университета и у лингвистов, и у литературоведов.

Истина конкретна, и я остановлюсь здесь на собственной практике.

Курс «Теории литературы» уже не один год я читаю студентам-журналистам (теперь бакалаврам) в первом (начальном) учебном семестре как **теоретико-практический курс основ литературной культуры**. Разница принципиальная!

Странно посвящать в теоретические основы тех, кто подчас очень слабо представляет себе сам предмет теории, в нашем случае – художественную словесность. Ведь к нам поступают вчерашние школьники, для которых литература фактически перестала быть одной из основных дисциплин школьного курса. К нам приходят вчерашние старшеклассники, как правило, не имеющие за своими плечами опыта чтения «толстых книг» – классических текстов русской и мировой литературы. Мы общаемся по преимуществу с теми, кто с классикой в лучшем случае знаком по обильно представленным на нынешнем книжном рынке (и в Интернете) кратким фабульным переказам любых литературных текстов.

Оттого и отказываюсь я на первом курсе от «Теории литературы» и пробую построить обучение так, чтобы исподволь заразить интересом к самому процессу самостоятельного чтения, самостоятельного и непосредственного постижения словесно-художественного текста.

Первокурсники-бакалавры, вчерашние школьники, не слишком поднатеревшие в читательском мастерстве, посвящаются в размышления о том, что художественно-словесное творчество – это человековедение, это искусство, самое близкое к профессии журналиста, искусство, повествующее о душе человеческой, о том, как одна душа в состоянии соприкоснуться (сложно, трепетно, благодарно, невыразимо) с другой душой, как душа с душой говорит...

Мы делимся размышлениями о том, как художественная литература способна ненавязчиво и заметно расширить наш жизненный кругозор, как внимательное, неспешное чтение развивает наблюдательность (в частности, интерес к деталям), расширяет словарный запас, обогащает нашу речь, повышает умственную и эмоциональную активность. Чтение интенсивно развивает мозг, воображение, творческие способности, не даёт угаснуть чувству удивления, заражению удивлением. Без этого нет ни одной творческой профессии.

И ещё. Россия подарила миру великую литературу, единственное, что безусловно конвертируется и признаётся за нами всей планетой полностью, неоспоримо. Русская литература – про самое главное на свете: про смысл жизни, про то, зачем нам дана жизнь и кто мы в ней, чего стоим, зачем сюда явились и что собираемся делать, как жить, как общаться друг с другом, как устраивать наш мир и кого винить в собственных просчётах и неудачах.

С первых университетских дней бакалавру журналистики становится понятно, что вне литературной культуры он обречен быть на обочине своей профессии. Литературная культура очеловечивает нас, возвращает к таким глубинам жизни, которые в нас без неё удивительным образом сокрыты. Литературная культура нас самих нам открывает и делает более интересными и содержательными в круговороте жизни.

Вот почему старательно и целеустремлённо мы стремимся воспитывать интерес к медленному чтению и к выразительному чтению, развиваем (разными проверенными способами) образное мышление первокурсников, их художественно-ассоциативные способности и возможности и т. д.

В ходе лекций студентам-бакалаврам предлагаются ежегодно обновляемые внеаудиторные письменные задания такого примерно направления:

- создать текст объёмом не более 100 слов о первых университетских впечатлениях, используя одну из следующих пословиц: «Ум любит простор»; «Учись доброму, так худое на ум не пойдёт»; «Наука не пиво, в рот не вольётся»;

- по правилам «бинома фантазии» (предложенным в своё время известным итальянским поэтом и педагогом Джанни Родари в книге «Грамматика фантазии»: органичное воссоединение несоединимого как распространённый способ создания художественного образа) сочинить текст объёмом не более 100 слов, используя любые самые смелые и неожиданные сближения далеко друг от друга отстоящих слов-понятий, например: гусь – экзамен, жираф – деньги, полицейский – поросёнок и т. п.

На практикумах по основам литературной культуры мы развиваем навыки выразительного чтения («с чувством, с толком, с расстановкой»), знакомимся с литературными родами (заодно обращая внимание на многозначность понятия «драма») и соответствующими им жанрами, с объёмом литературоведческих (в том числе и имеющих непосредственное отношение к журналистскому тексту) понятий «сюжет», «фабула», «композиция», «мотив» и др.

Первокурсники узнают о том, что каждое литературное произведение имеет своё *имя* (заглавие, название – первое слово автора в диалоге с вероятным читателем-адресатом), *отчество* (авторская принадлежность произведения; в этой связи мы знакомимся и с самой проблемой автора

как реально-биографического лица и автора в художественном тексте) и *фамилию* (жанровая определённость, жанровая отмеченность текста).

Мы стараемся загрузить память бакалавров-журналистов экологически чистым литературным продуктом и для этого предусматриваем заучивание ими наизусть (с последующим выразительным – на конкурсной основе – исполнением) классических текстов русской поэзии (стихотворения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, А. А. Блока, Н. С. Гумилёва, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой, А. Т. Твардовского, Б. Л. Пастернака, И. А. Бродского, Н. М. Рубцова).

Кроме того, к экзамену внимательно «перечитываются» (чаще же впервые читаются в полном объёме) прозаические классические произведения, например, «Сорочинская ярмарка», «Нос», «Старосветские помещики», «Невский проспект» Н. В. Гоголя и др. Предлагаются занимательные проверочные тесты на добротные, объёмные, зоркие представления о прочитанных текстах.

Творческие сочинения предлагаются и в процессе аудиторных занятий. К примеру, письменный комментарий к одному из крылатых выражений из сочинений Гоголя («А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!», «Отца родного не пощадят ради словца», «Есть ещё порох в пороховницах», «Лёгкость в мыслях необыкновенная», «Миргородская лужа», «Нет житья русскому человеку, всё немцы мешают», «С Пушкиным на дружеской ноге», «Чему смеетесь? – Над собою смеетесь!», «Нет уз святее товарищества!» и др.)².

На дом может быть предложена такая задача: дан следующий фрагмент газетного текста: «Трудно теперь определить, кто первым сказал “Э”, но наверняка это был кто-то из президентской администрации, и сказал он это с лёгкостью в мыслях необыкновенной, словно бы Цицерон с языка слетел»;

найти в этом отрывке все скрытые цитаты, определить, кто из литературных героев и в каких ситуациях произносит эти слова (спор Добчинского и Бобчинского; Хлестаков о себе; Земляника – комплимент Ляпкину-Тяпкину).

Интересно проходят и занятия, на которых даётся развёрнутый анализ-комментарий к какому-нибудь задевающему за живое будущих журналистов небольшому по объёму произведению (например, к рассказу Марка Твена «Выборы в губернаторы»).

Все перечисленные и многие другие формы и способы общения с первокурсниками призваны постепенно погружать бакалавров-журналистов в такие разнообразные и способные их заинтересовать сферы литературной культуры, которые прямо или (чаще) опосредованно создают фундамент общекультурной подготовки будущих профессионалов массмедийного искусства.

Теперь относительно второго кита – технологий ремесла. Здесь, на мой взгляд, тоже никак не обойтись без филологических знаний и представлений. Владение словом, словесное искусство журналиста, многосложные основы вербальной коммуникации – все эти ценности к технологии ремесла имеют самое близкое отношение.

И ещё. Филология и наука о журналистике, несомненно, связаны друг с другом давними узами родства. Одно из убедительных подтверждений – сближение древней теории литературных родов и современных представлений об основных разновидностях СМИ. Мне уже доводилось писать об этой своей догадке³. Ограничусь лишь предельно кратким резюме.

Со времен Аристотеля известно, что всё огромное и нечёткое множество жанров словесного искусства с некоторой обязательной долей приблизительности, свойственной гуманитарным знаниям, можно подразделить на три основных рода: *эпос, лирику и драму*.

В глобальном мировом сообществе три разновидности СМИ (печатная журналистика, радио и телевидение) отличаются особой художественно-коммуникативной природой, которая невольно побуждает вспомнить восходящую к Аристотелю триаду.

При всем очевидном динамизме *пресса* обращена к событиям и фактам разного масштаба, которые пусть совсем недавно, но *уже* произошли. Постоянно сохраняется неодолимый зазор между временем события и временем рассказа о событии. Речь идёт о преобладающей (*эпической* по своей природе) форме прошедшего времени. Едва ли не главная, родовая возможность прессы – преодоление хаоса, монтаж разного, организация *своей* многомерной и многосюжетной повествовательно-информационной реальности на плоскости полосы.

Радио эксплуатирует всю звуком организованную культуру. Радиотекст усердно исполняет в массовом восприятии роль *лирического* рода. Качество звучания, тембр, всё звуковое целое на радио мгновенно и весьма чувствительно обнаруживают повышенную семантическую нагрузку. Сколько раз приходилось убеждаться: любая самая ценная информация, переданная по радио, сильно проигрывает или вовсе оказывается невосребованной, если подается «неприятными» / «неопрятными» радиоголосами.

Телевизионный текст ближе всего из трёх родов искусства к *драме*. Он весь пронизан диалогической видеоактивностью. Телевидение – самое остроконфликтное из всех современных СМИ. Его стихия – неперемное столкновение противоположных стремлений, напряженный спор, азартная игра. На телевидении важно, что случится через секунду, важно, как и в драме, ощущение-ожидание скорого будущего времени (беспощадно эксплуатируемое рекламными паузами).

Возможности СМИ значительно расширяются благодаря выходу в свободное киберпро-

странство. *Интернет* принес с собой невероятное ощущение свободы без берегов. Всемирная паутина даёт реальный приют для каждого из трёх родов журналистской деятельности. В ней превосходно ощущают себя и печать, и радио, и телевидение. Сетевой мир по видимости хаотичен, эфемерен, текуч, по сути же подвластен действию тех же ведущих наших «эпико-лиро-драматических составляющих», что и традиционные СМИ. Весь вопрос, в каких качественно новых связях находятся эпические, лирические и драматические начала в мировой паутине с её неизбывной тоской по собеседнику и «сочувствователю», с жадным желанием прокричать, проговорить, проворчать, быть услышанным и понятым, с отчаянной надеждой в другом обрести друга. Это отдельная тема, ждущая и уже обретающая своих исследователей.

Обозначенный сейчас подход к журналистской генеалогии открывает создателям массмедийных программ новые технологические ресурсы: отчетливее становится смыслооправдание собственной работы, полнее осознается формо-содержательное целое журналистского продукта, внятнее определяется внутренняя направленность (интерактивность) производимых, подготавливаемых к употреблению текстов.

Опытные телевизионщики, которым довелось познакомиться с предложенным нами сближением телевидения и драмы, к примеру, подчеркивают, что невольная и постоянная подсознательная ориентация на «конфликторождающую» ситуацию помогает им, с точки зрения творческой логики, точнее выстраивать свой видеоряд, свой телесюжет, свою телевизионную программу. Внутренний настрой на поиск естественного драматического напряжения способен *нечаянно* обернуться убедительными находками и откровениями.

Лирические ресурсы радиожурналистики поддерживаются сознанием верности таким законам аудиотворчества, как естественная живая (тёплая, непосредственная, непринуждённая, домашняя) интонация, точные смысловые ударения (акценты), выверенная расстановка пауз.

Эпический масштаб печатных СМИ повелевает сосредоточиваться на объективной взвешенности и многоохватности сообщаемого, на представлении разных точек зрения, разных позиций в отношении к одному и тому же «информационному поводу». По словам Я. Н. Засурского, «газета – институт, который учит думать и дает возможность понять, что происходит в мире. Посмотрите на верстку газеты, на первую полосу номера – и вы уже получаете представление о карте основных событий в мире»⁴.

Очевидно, что сама природа коммуникации, обретая прежде невиданные технологические воплощения и невероятную всепланетную массовость, остается верной своим вековечным глубинным свойствам, описание которых находим в авторитетных филологических трудах.

Что касается третьего кита – профессиональной этики журналиста, то роль филологии и здесь, на мой взгляд, исключительно ответственна: преувеличить значение искусства *честного чтения*² и *письма* для журналиста очень трудно! Научиться *честно* писать и говорить – значит научиться *хорошо* писать и говорить: в журналистике, я уверен, качественные характеристики вбирают в себя и эстетические характеристики текста, и этические ценности одновременно.

Непосредственная связь этих категорий в *художественном мире* всегда была и остается под сильным подозрением. Откровенным насмешкам, остракизму подвергаются рассуждения о родстве художественной правды и авторской (художнической) праведности. Особенно – в наше время, егозливо балансирующее на опасной грани добра и зла.

В журналистском же творчестве, природа которого, несомненно, родственна творчеству художественному, близость эстетических амбиций и этических начал (в силу особой социальной ответственности СМИ) невероятно тесная.

«Профессионально правильное» в журналистике – это (одновременно!) и честное, и мастерски проявленное, мастерски сформированное. Только так. Всё остальное – имитация настоящего качественного журналистского текста.

Мы вправе вести речь о *единстве этического и эстетического в СМИ, о нераздельности журналистской этики и журналистской поэтики*. В доказательство такого подхода обратим внимание на то, как прочно связаны основные характеристики СМИ, отмеченные выше, с принципиальными ценностями нравственного порядка.

Эпическое начало в печатных СМИ, в первую очередь, подразумевает *объёмность и разносторонность* охвата события, факта, явления на газетной (журнальной) полосе. Желанную разносторонность, от которой, как черт от ладана, бежит печать монологическая, карманная, партийная, под прикрытием властей или своих хозяев присваивающая монополию на информацию и, стало быть, монополию на истину.

Лирические приметы радиожурналистики имеют в виду особую силу *проникновенности*, которой обладает (может обладать) аудио-СМИ. Не дешёвую игру в поддавки со слушателем, но по-настоящему искреннюю доверительность тона. «Душевная сила» радиоискусства в одно и то же время имеет непосредственное отношение и к совести журналиста, и к его мастерству. Тут сплав.

Многообразная *конфликторождающая* энергия свойственна телевизионному тексту. Но конфликт конфликту рознь. Его ведь можно и с потолка брать, изо всех сил выдавая мертворожденное за подлинное. Можно подделкой беззащитной заниматься.

Все отмеченные характеристики имеют прямое отношение к сфере этического. Лишена периодическая печать эпически объёмного

взгляда на мир – нет и продукта, достойного удовлетворительной этической оценки. Имеем мы дело с небрежной или даже усердной имитацией конфликтной напряженности – никуда не годен телевизионный выпуск. Пренебрегает радио лирическими ресурсами, подыгрывает, подсюсюкивает «своему в доску» слушателю – сразу слышна фальшь. И так всегда.

Честность, искренность, точность, неприхотливость, душевность, натуральность, неподдельность – эти и другие свойства журналистики одновременно являются значимыми и для этической характеристики медиа-продукта, и для определения его, если угодно, эстетического качества.

Чтобы ответить на заглавный вопрос статьи, скажу, что взаимоотношения филологических знаний/умений и полноценного современного журналистского образования – это (при всех скоростных и недальновидных, поверхностно скептических суждениях на данную тему) неперемненное продолжение союза, обусловленного природной близостью этих сфер культуры, и ещё более последовательное и тесное (в перспективе) их взаимопроникновение.

При этом филологические (и лингвистические, и литературоведческие) дисциплины для журналистов – бакалавров и магистров – по необходимости должны быть ориентированы в первую очередь на более или менее отчётливую прагматику. Традиционные вузовские знания впрок отчасти перекодируются, перевариваются и методически целесообразно трансформируются в устойчивые знания и представления для их возможной специальной публичной демонстрации «при случае», для их вероятного и разнонаправленного применения на практике, в живом медийном пространстве, в непосредственном профессиональном общении, в собственных опытах журналистского текстообразования.

Общекультурная оснастка будущих журналистов, генетические и психологические основы технологии ремесла, основы профессиональной этики работников СМИ имеют безусловно филологическую – языковую (лингвистическую) и литературную (литературоведческую) – природу, постоянно и исподволь ощущаемую профессионалами высокого класса.

Примечания

¹ Спустя пять лет продолжается обсуждение вопросов, поднятых в статье: Прозоров В. В., Елина Е. Г. Фило-

логия и журналистика : степень родства // Изв. Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1.

² См.: Крылатые слова и выражения из сочинений Н. В. Гоголя : словарь-справочник – любителям русского слова / сост. и автор предисл. В. В. Прозоров. Саратов, 2005.

³ Пользуясь случаем, благодарю моих коллег по кафедре общего литературоведения и журналистики, а также студентов и аспирантов специального семинара «Актуальное и вечное в литературе и журналистике» за сочувственное и заинтересованное отношение к нашей общей работе.

Признателен я и моим многочисленным рецензентам, откликнувшимся на публикации по данной теме. См.: Боровиков С. Как делать статьи // Новые времена. 2004. 24–30 декабря. С. 6 ; Голяков А. Своевременные мысли // Известия. 2005. 20 янв. № 3. С. 11 ; Шлынова Н. Проходите! Вперед свободно! // Балаховская правда. 2005. 22 мар. № 41. С. 3 ; Бабкина Н. Медиа и педагогика. Рец. на монографию : Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву. Саратов, 2004 // Медиаобразование. Российский журнал истории, теории и практики медиапедагогика. М., 2005. № 5. С. 89–90 ; Тяпугина Н. Что такое журобраз? / Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву. Саратов, 2004 // Волга – XXI век. 2005. № 7–8. С. 240–241 ; Есин Б. ...И с моей книжной полки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 3. Май-июнь. С. 109 ; Смирнов В. Власть и свобода СМИ // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Вып. 5. 2006. С. 155–158 ; Смирнов В. Антропологическая концепция смикологии // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 1–2. Воронеж, 2006. С. 7–9 ; Гуревич С. Книги о профессии. В. В. Прозоров. Власть и свобода журналистики. М., 2005 // Журналистика и медиарынок. 2006. № 2–3 и др.

⁴ Засурский Я. Перо и ветряная мельница. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=828868> (дата обращения: 10.04.2012).

⁵ Вспомним известную и в общении со студентами-журналистами взывающую к универсальной, широкой интерпретации модальную формулу А. П. Скафтымова «Нужно честно читать» (Скафтымов А. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Скафтымов А. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 29). См. подробнее: Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов, 2010.